

Н.Л. СЁМИН*

НОВЫЕ РЕАЛИИ: КТО ЕСТЬ КТО В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ США

Не будет преувеличением утверждать, что мы являемся свидетелями смены эпох в американской внутренней и внешней политике. Если восьмилетнее пребывание в Белом доме администрации Дж. Буша-мл. при всём драматизме (и даже трагизме) событий, определявшем его содержание, всё-таки было во многом продолжением «эпохи Клинтона» – нарастания американского глобального доминирования, основанного на невиданной мощи Америки, достигнутой в предшествующие десятилетия, то сегодняшняя ситуация выглядит принципиально иначе. Основным фоном формирования администрации Обамы и выработки ею новых подходов к внутренним и внешним проблемам стали мировой финансово-экономический кризис и закат эры «виртуальной экономики», явные внешнеполитические неудачи, осознание, наконец, того факта, что «самонадеянность силы» заводит Америку в тупик по всем направлениям. Очевидным становится начало эпохи пересмотра прежних парадигм, зарождения чего-то ещё не вполне ясного самим американским лидерам, что должно принципиально изменить роль и место Америки на пресловутой «шахматной доске».

Характеристике начавшегося периода американской истории как «новой эпохи» не противоречит тот факт, что при формировании своей администрации Обама сделал ставку на ветеранов правительства Клинтона и даже отдельных представителей администрации Буша (министр обороны Р. Гейтс – наиболее яркий пример). Правительство Обамы производит впечатление «правительства национального единства». «При этом Обама пытается ослабить оппозицию своей будущей политике как внутри Демократической партии, так и со стороны республиканцев»¹. Не случайно его победа была победой не только над республиканцем Дж. Маккейном, но и над представителем Демократической партии Х. Клинтон. Таким образом, молодой и малоизвестный политик Обама одержал верх над истеблишментом обеих партий и стал своего рода их «усреднённым вариантом», интегралом, обобщающим заинтересованность американского электората в необходимости серьёзных перемен во внутренней и

* СЁМИН Николай Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра внутриполитических исследований ИСКРАН, доцент ГАУГН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2009». Проект № 2.1.3/7428 «Проблемы международной безопасности в многополярном мире».

¹ Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы. – «США ❖ Канада», 2009, № 3.

внешней политике. Более того, сегодня некоторые обозреватели (если попытаться обобщить их оценки) склоняются к тому, чтобы рассматривать Обаму как временную фигуру на американском политическом поле, как президента-«матрицу», способного в достаточно короткий исторический срок воспринять, «загрузить» и вдохнуть жизнь в новые сложные программы, востребованные временем и силами, эту «матрицу» создавшими².

Было бы ошибкой полагать, что эти программы отражают лишь ожидания американского общества, связанные с выходом из наиболее острого с 1930-х годов финансово-экономического кризиса. Системность нынешнего кризиса определяется тем, что потрясения, переживаемые «экономикой безудержного потребления», драматически аккомпанируют глубоким сдвигам в традиционном американском внутри- и внешнеполитическом мышлении, в стратегических представлениях как элиты, так и общества о роли и месте Америки в мире. Очевидно, что смена эпох связана с крушением стратегии однополярности мира во главе с США, с уменьшением влияния Соединённых Штатов на международной арене, осознанием правящими кругами и обществом неизбежности формирования многополярного мира. Это, в свою очередь, порождает утрату американцами традиционного для них оптимизма, основанного на убеждённости в собственной исторической исключительности. Конечно, это не означает, что кризис, охвативший все сферы жизни, вот-вот приведёт к полному переосмыслению американским обществом своих ценностей и представлений о мире, которые закреплены генетически и порождают, помимо всего прочего, «неизменную тягу американских политиков к универсализму во внешней политике»³, к стремлению выстраивать внешнеполитические концепции исходя из собственных, кажущихся универсальными, идей о «правильном и неправильном» путях развития. Однако ощутимая потеря оптимизма и привычной идентичности в мире уже начинает сказываться, что находит отражение не только в обыденном сознании, но и в стратегических документах прогностического характера, таких как доклад «Глобальные тенденции 2025: трансформировавшийся мир», подготовленный в 2008 г. Атлантическим советом США по заказу Национального разведывательного совета (*National Intelligence Council, NIC*)⁴.

Системность современного кризиса нашла отражение в очередном склонении графика той «синусоиды», по которой в США с послевоенных времён происходит противоборство двух направлений во внутривнутриполитической жизни. Речь идёт о тенденциях утверждения «государства национальной безопасности» в ущерб правам и свободам граждан и, наоборот, усиления влияния либеральных ценностей в противовес повышению роли национальной безопасности в государственном строительстве и повседневной жизни⁵. Годы президентства Дж. Буша-мл. с полным правом можно рассматривать как высшую точку в попытке государства утвердить национальную безопасность в качестве основного приоритета внутренней и внешней политики с одновременным выхо-

² См., например: <http://www.vz.ru/columns/2009/1/247752.html>

³ Самуилов С.М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы. М., 2009, с. 295.

⁴ Global Trends 2025: A Transformed World. GPO, Wash., 2008.

⁵ См.: Власихин В.А. Новый закон США о борьбе с терроризмом и билль о правах. – «США ♦ Канада», 2002, № 4.

лаживанием либеральных ценностей. Эта точка пройдена. Пройдена не без потерь для всех акторов в болезненном и драматическом противоборстве государства и общества, немалую роль в котором сыграли американские спецслужбы и вся правоохранительная система. Вряд ли новая администрация откажется полностью от ряда приоритетов в области безопасности. Очевидно, что одной из главных задач Обамы и его правительства станет окончательное утверждение некоего «усреднённого варианта» политического руководства силовыми органами внутри страны и за её пределами, при котором востребованные меры обеспечения национальной безопасности не будут ослаблять столь дорогих для американцев гарантий прав и свобод личности. Показательным в этом смысле является одно из первых решений новой администрации. В конце января 2009 г. был предложен законопроект, позволяющий гражданам, ошибочно внесённым в «наблюдательные списки» (*watch lists*) Министерства внутренней безопасности США в качестве террористов, исключить свои данные из этих списков и таким образом восстановить утраченные права. Примечательно, что законопроект был незамедлительно принят Палатой представителей Конгресса США⁶.

Представление об Обаме как о своего рода «кризисном менеджере» переходного периода не отрицает принципиально новой эпохи, начавшейся с приходом в Белый дом 44-го президента. Тяжелое наследие, доставшееся Б. Обаме от предшественника, требует системного, взвешенного и одновременно решительного подхода к его преодолению. Системность задач, как нам видится, вполне осознаётся новой администрацией. Решительность была, в частности, проявлена в пересмотре ряда внешнеполитических установок (videобращение Б. Обамы к народу Ирана в марте 2009 г., заявленное стремление к «перезагрузке» в отношениях с Россией, решение о закрытии тюрьмы в Гуантанамо – яркие тому свидетельства). Взвешенность же в принятии новых решений проявляется в стремлении избегать поддержки крайних точек зрения и в подборе сбалансированной команды.

Новая эпоха предполагает появление новых людей. История, по выражению Н.И. Костомарова, помимо прочего, явлена потомкам в деяниях её главнейших деятелей⁷. Не преувеличивая значение функционеров американской администрации в их личностном и историческом измерениях, стоит всё-таки воздать должное их роли в совершившихся и предстоящих событиях. Это важно уже потому, что эти люди причастны к важнейшим политическим решениям, принимаемым правительством крупнейшей мировой державы с глобальными интересами.

Рассмотрим некоторые новые назначения на высшие посты в системе обеспечения национальной безопасности, правоохранительных органов и разведывательного сообщества, значение которых в американском государственном механизме традиционно велико.

В течение двух сроков администрации Буша неуклонно снижалась роль СНБ – важнейшего органа по выработке стратегии национальной безопасности и руководству всеми задействованными в этой области учреждениями. Начиная с 1947 г., когда был принят важнейший закон «О национальной безопасно-

⁶ http://news.yahoo.com/s/cq/20090204/pl_cq_politics3023628

⁷ К о с т о м а р о в Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2006.

сти» (*U.S. National Security Act*), согласно которому и был создан СНБ, он оставался ключевым инструментом администрации, а должность советника президента по национальной безопасности (руководителя аппарата СНБ) – одной из самых влиятельных в стране и за рубежом. Достаточно вспомнить, что её в разное время занимали такие столпы американской политики, как Г. Киссинджер и Зб. Бжезинский. В первой администрации Дж. Буша-мл. помощником по национальной безопасности, как известно, была К. Райс – фигура также весьма сильная и жёсткая. Однако постепенно центр тяжести в процессе укрепления силовых структур и выработки внешнеполитической стратегии, а также руководства спецслужбами стал смещаться даже не в Госдепартамент, который возглавила Райс, а в Пентагон и подконтрольные ему ведомства и многочисленные советы и комитеты. Влияние министра обороны Д. Рамсфелда неуклонно росло, что отразилось в усилении военной составляющей национальной безопасности.

На волне преобразований разведсообщества был создан ряд надведомственных координационных структур непосредственно при президенте с явно параллельными и дублирующими друг друга функциями. В течение восьми лет ощущалось стремление администрации Буша *развести*, или, используя недавно популярную российскую политическую лексику, *равноудалить* отдельные органы стратегической координации и анализа в области национальной безопасности. Так, в марте 2002 г. Буш объявил о создании Совета по внутренней безопасности (*Council of Homeland Security*) при президенте США. Его постоянными членами являются, помимо президента, вице-президент, помощник президента по внутренней безопасности (глава МВБ), министры обороны, финансов, транспорта, внутренних дел, здравоохранения, директора ЦРУ, ФБР и Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Главы других ведомств приглашаются на заседания Совета для обсуждения вопросов, касающихся их компетенции. Главной задачей Совета является координация на федеральном уровне действий ведомств и организаций, решающих вопросы внутренней безопасности. От его имени издаются стратегические документы в области внутренней безопасности. Очевидным является моделирование нового органа по примеру СНБ. Интересно, что советник президента по национальной безопасности не входит в постоянный состав Совета по внутренней безопасности. Такое взаимное исключение походило на намеренное ослабление влияния СНБ, несмотря на то, что в состав обоих Советов входят министры финансов, обороны и вице-президент. Не удивительно, что имя последнего помощника по национальной безопасности в администрации Буша – С. Хэдли – в последние годы звучало крайне редко.

В 2005 г. был создан Объединённый совет по разведке при президенте (*Joint Intelligence Community Council, JICC*) в составе директора Национальной разведки, госсекретаря, министров финансов, обороны, энергетики и внутренней безопасности. Это – политический орган, также во многом дублирующий функции СНБ и Совета по внутренней безопасности. Его основной задачей является содействие президенту США в вопросах развития национальной разведки на общегосударственном уровне. Поэтому не следует путать Объединённый совет по разведке с Национальным разведывательным советом в составе самого управления Национальной разведки – органом анализа и оперативной координации.

Сегодня привлекают внимание настойчиво обсуждаемые в американской прессе и экспертном сообществе намерения Обамы сократить избыточные органы в сфере деятельности спецслужб. Одно из этих намерений было реализовано уже в апреле с.г.: функции Совета по внутренней безопасности во главе с помощником президента по внутренней безопасности и контртерроризму, как и предполагалось, отошли всецело к СНБ США во главе с генералом Джеймсом Джоунсом и возложены на его заместителя Джона Бреннана.

Просматривается тенденция к сокращению не только всякого рода параллельных координирующих и управляющих структур в силовой сфере, но также и к ослаблению роли военных в правоохранительной, разведывательной и внутриполитической деятельности, непомерно возросшей в период «триумvirата» Буша – Чейни – Рамсфелда. «Очевидно, что Обама постарается использовать Совет национальной безопасности для того, чтобы не допустить чрезмерной самостоятельности Пентагона»⁸.

Четырёхзвёздный генерал (морская пехота) Дж. Джоунс (род. в 1943 г.) – ветеран Вьетнама, бывший командующий войсками НАТО в Европе. Несмотря на сугубо военное прошлое этого человека, он не принадлежит к числу представителей крайне правого крыла, к так называемым неоконсерваторам, игравшим определяющую роль в прежней администрации. Его прошлый военный статус скорее сыграет для Обамы положительную роль. Дисциплинированность и умение подчиняться в сочетании с колоссальным опытом руководства и стратегическим мышлением при отсутствии политических амбиций, вероятно, будут способствовать тому, что Джоунс станет действительным *помощником и советником* президента, а не генератором граничащих с экстремизмом проектов. (В конце концов, К. Райс никогда не служила в армии, что не помешало ей быть одним из самых воинственных руководителей внешней политики в истории США).

Новым **генеральным прокурором США стал Эрик Холдер**, афроамериканец 1951 года рождения, уроженец нью-йоркского Бронкса. В администрации Клинтона занимал пост заместителя генпрокурора.

Генпрокурор является, наряду с председателем Верховного суда, важнейшей фигурой в правоохранительной системе страны. Этому способствуют, помимо конституционного статуса, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое – это то, что он одновременно является министром юстиции – ведомства, играющего в государственном механизме Соединённых Штатов куда большую роль, чем, например, аналогичное министерство в России. Законодательные инициативы, контроль соблюдения законности, правовая оценка подзаконных актов исполнительной власти, обширные полномочия во всех областях правоприменения, руководство рядом специальных органов (например, Администрации по соблюдению законов о наркотиках) – вот далеко не полный перечень прерогатив генпрокурора США. В конечном счёте именно генеральный прокурор публично отвечает за нарушения законности в стране. Он не может, в силу своего особого юридического положения, в отличие от других высших чиновников, оставаться в тени в разгар скандалов. Американцы болезненно реагируют, когда генпрокурора открыто берут под защиту президент или вице-

⁸ Рогов С.М. Ук. соч.

президент, как это не раз бывало при Буше и Чейни, например, в связи с незаконным прослушиванием граждан Агентством национальной безопасности.

Генпрокуроры времён прежней администрации отличались тем, что были во многом «ручными» для исполнительной власти. Джон Эшкрофт стал активным проводником ужесточения внутреннего антитеррористического законодательства, вызвавшего множество нареканий у правозащитников и общественности. Он даже выдвинул (в 2001 г.) ряд инициатив в отношении фактически незаконного контроля частной жизни американцев. Эшкрофт являлся и главным разработчиком наиболее уязвимого в правовом отношении пакета законов «О патриотизме» 2001 г. (*U.S. Patriot Act*). Следующий генпрокурор эпохи Дж. Буша – Роберто Гонзалес попал под прицел критики правозащитных организаций в 2007 г., активно отстаивая при поддержке директора Национальной контрразведки Дж. Бреннера знаменитые «письма безопасности» ФБР.

Второе обстоятельство, определяющее вес генерального прокурора – то, что в систему Министерства юстиции США входит ФБР. Несмотря на создание при Буше сложной многоступенчатой иерархии подчинённости руководителей спецслужб, ФБР как важнейший правоохранительный орган США, играющий существенную роль во внутривластной жизни страны, официально подчиняется генпрокурору, который несёт за его работу личную ответственность.

Думается, что Э. Холдер – это та фигура, которая действительно упрочит статус как всей правоохранительной системы страны, так и, в частности, ФБР. С новым генпрокурором связывают ясно обозначенную тенденцию возвращения правоохранительных органов и спецслужб в правовое поле. Холдер имеет огромный опыт борьбы с коррупцией высших должностных лиц. Он работал в отделе по обеспечению честности публичной власти (*Public Integrity Section*) Министерства юстиции, где расследовал ряд громких дел о коррупции, включая дела конгрессменов и сотрудников ФБР. Он являлся главным юридическим советником Обамы в ходе избирательной кампании, принимал активное участие в деятельности комитета по формированию новой администрации. Профессиональный юрист высшей квалификации (Колумбийский университет) с опытом работы в системе юстиции с начала 1980-х годов (его заметил ещё Р. Рейган)⁹ – Холдер проявил себя «строгим законником», ярым приверженцем гражданских прав, закрытия тюрьмы в Гуантанамо и запрещения пыток. Его программой стал полный разрыв с «исламофобией» и порочной практикой тотальной «войны с террором», наносящей ущерб законности и правам граждан. По мнению американских экспертов, на новом посту Холдер должен с успехом поднять пошатнувшийся престиж Министерства юстиции и всей правоохранительной практики в США¹⁰.

В системе обеспечения национальной безопасности США в годы президентства Дж. Буша-мл. были осуществлены значительные преобразования. В особенности, они коснулись американского разведывательного сообщества (*U.S. Intelligence Community*) и спецслужб (*secret agencies*). На основе принятых с 2001 по 2006 г. законов, подзаконных актов администрации и ведомственных директив была сформирована новая система взаимодействия, соподчи-

⁹ «The Boston Globe», 01.12.2008.

¹⁰ «The New York Times», 02.12.2008.

нённости и ответственности разведывательных и контрразведывательных ведомств. Она, по замыслу создателей, должна была отвечать не только новым вызовам, связанным с борьбой с терроризмом, но и новым внешнеполитическим установкам, реализовывавшимся правительством республиканцев. В результате разведывательное сообщество и спецслужбы заняли особое место в государственном механизме США, о чём уже написаны несколько интересных работ как американскими, так и российскими авторами¹¹.

Вероятно, смена внешнеполитических ориентиров в предстоящий период потребует сместить акценты в работе американских разведывательных ведомств, что уже нашло отражение в стратегических документах разведсообщества, предложенных новому президенту (тогда уже избранному, но ещё не вступившему в должность) руководителями 16 входящих в сообщество ведомств. Речь идёт о документе под названием «Взгляд 2015: глобально взаимосвязанный и интегрированный разведывательный проект»¹². Нельзя не подчеркнуть, что он в целом коррелирует с уже упоминавшимся докладом Национального разведывательного совета «Глобальные тенденции 2025: трансформировавшийся мир». В обоих документах признаётся факт трансформации мира в направлении многополярности и необходимости пересмотра роли Соединённых Штатов в системе международной безопасности при сохранении приверженности полномасштабному и глобальному обеспечению интересов США. Более профессионально ориентированный, сугубо специальный, в отличие от доклада Национального разведывательного совета, документ разведсообщества был представлен Б. Обаме за подписью тогдашнего руководителя всей американской разведки Майкла Макконнела, назначенного Дж. Бушем и ранее руководившего крупнейшей спецслужбой мира – Агентством национальной безопасности США. Разведчики, как никто другой в государстве, всегда являются носителями наиболее консервативных, «охранительных» тенденций, поэтому документ пронизан привычной для прежней администрации идеей «наступательности, тотальности и превентивности разведки». Профессионалы спецслужб включились осенью 2008 г. в активную «интеллектуальную атаку» на будущего президента с целью убедить его «не слишком менять ставший уже привычным жёсткий курс на тотальное разведывательное доминирование в мире в целях сбора всеобъемлющей информации». В документе так и говорится: «Ключевым фактором получения информации является глубокое и постоянное разведывательное проникновение»¹³.

При всём стремлении к «перезагрузкам» в различных областях внешней политики трудно ожидать от Б. Обамы кардинального пересмотра ранее выработанных целей и установок в области разведки. Невозможно сомневаться, что новый президент США в полной мере осознаёт исключительную важность тотальной и наступательной разведки для обеспечения безопасности США. Пусть и в качестве «первого среди равных» мировых центров силы, пусть и с корректировкой задач, и со смягчением акцентов, и с отказом от некоторых наиболее одиозных программ эпохи Дж. Буша, но разведка США, вероятно, останется важнейшим инструментом внешней политики США и в предстоя-

¹¹ См., например: Morrison D. The US Intelligence Reform. N.Y., 2005; Дундук М.Ю. Разведка в государственном механизме США. М., 2008.

¹² Vision 2015: A Globally Networked and Integrated Intelligence Enterprise (www.odni.gov/).

¹³ Ibidem.

щий период. Однако ряд важнейших кадровых перестановок в разведсообществе Обама незамедлительно произвёл. Будет интересно проследить, насколько смена персон в этой специфической области государственной деятельности повлияет на её функционирование.

В январе 2009 г. М. Макконнелл был заменён на посту **директора Национальной разведки (ДНР)** адмиралом в отставке **Дэннисом Блэром**. Управление ДНР было создано в ходе реформ (по закону 2004 г. «О реформе разведки и борьбе с терроризмом»). На слушаниях в Сенате перед голосованием по его кандидатуре 22 января 2009 г. председатель сенатского комитета по разведке Д. Фейнштейн с похвалой отозвалась о приверженности адмирала американским идеалам в период пребывания на прежних должностях. В ответ Блэр жёстко осудил практику пыток в отношении лиц, подозреваемых в терроризме, а также несанкционированное прослушивание граждан, активно внедрявшееся и поощряемое прежней администрацией. Эксперты считают, что в лице Блэра Обама видит человека, который продолжит начатое при Буше ограничение полномочий ЦРУ и военных в области ведения следствия¹⁴.

Адмирал Блэр прослужил в ВМС США 34 года. Сентябрь 2001 г. застал его во главе Тихоокеанского командования, где он умело и эффективно руководил военными и разведывательными мероприятиями по уменьшению угрозы со стороны террористических группировок в Юго-Восточной Азии. Он также является специалистом по Китаю и, что весьма важно, был одним из заместителей Макконнелла по военному сотрудничеству с ЦРУ. Возможно, опять-таки невзирая на многолетнюю военную службу Блэру удастся, наконец, наладить эффективное сотрудничество с Лэнгли, сняв большинство проблем и противоречий, т.е. сделать то, что не удалось ни кадровому дипломату Негропonte, ни профессионалу разведки (правда, тоже адмиралу) Макконнеллу. Последний, кстати сказать, на посту директора Национальной разведки в полной мере отвечал требованиям администрации Дж. Буша-мл. Он отметился весьма жёсткими заявлениями в адрес Москвы, заявив в 2007 г., что экономическое усиление России является одной из угроз национальной безопасности США. Кроме того, он неоднократно высказывался в том духе, что российская разведка продолжает усиливать агентурное проникновение в Америку, охотится за секретами по всему западному миру¹⁵. Макконнелл договаривался и до прямых обвинений в адрес российского руководства в поддержке террористов и организации политических убийств¹⁶. Вообще, Макконнелл (не в пример первому директору Негропonte) мог многое себе позволить и даже получил беспрецедентные полномочия по международным контактам, ранее принадлежавшие исключительно президенту США. «Под него» верстались и поправлялись некоторые американские законы¹⁷, а на публичном уровне никто из высших должностных лиц американских спецслужб никогда не высказывался столь часто и жёстко, как «адмирал Мак» (так его называли ближайшие сотрудники).

В 2001–2007 гг. администрацией Буша было многое сделано для того, чтобы придать спецслужбам характер легитимного самостоятельного субъекта внешней и внутренней политики. Такой подход был официально закреплён в кон-

¹⁴ Senate Approves Blair for Intelligence Director, 29.01.2009 (<http://www.federalnewsradio.com>).

¹⁵ http://www.redstar.ru/2007/02/09_02/3_03.html

¹⁶ <http://vff-s.narod.ru/gov/pr/opr34.html>

¹⁷ <http://www.rbcdaily.ru/2007/04/12/focus/272005>

цептуальных документах Белого дома: национальных стратегиях разведки и контрразведки 2005 г.¹⁸ Естественно, что деятельность директора Национальной разведки в этих условиях полностью укладывалась в русло политики администрации.

Именно Макконнел в 2008 г. скептически оценил перспективы борьбы с терроризмом, заложив, таким образом, основу для постановки задач перед новым руководством США и их разведывательных органов. Он сказал, что отсутствие экономического и политического развития ближневосточных стран ведёт к тому, что условия жизни там «будут и дальше способствовать росту радикализма и вербовке молодёжи в террористические группировки». По прогнозу Макконнела, через 15–20 лет известные террористические группы сменятся новыми, которые, однако, «унаследуют организационные структуры ныне существующих, механизмы управления и координации действий и систему подготовки, необходимые для осуществления тщательно разработанных терактов». При этом террористические группы новой волны станут более опасными, чем нынешние, потому что смогут добыть и применить биологическое или радиационное оружие¹⁹. Готовясь покинуть свой пост, Макконнел особо отметил эти новые риски, как и необходимость выстраивать разведку в соответствии с «повышающейся нестабильностью мира»²⁰.

Думается, что дух новой эпохи и вся концепция внешней политики и разведки, которые, в своих основных чертах, по-видимому, уже выработаны командой Обамы, снизят накал риторики, исходящей от руководства разведсообщества, и заставят в целом пересмотреть многие подходы к решению разведывательных задач. Однако не учитывать оценок Макконнела Обама не сможет.

Что касается отношений ЦРУ с управлением Директора национальной разведки, то они с самого начала были весьма сложными. Не вдаваясь в детали, можно отметить, что сменявшие друг друга в течение последних четырёх лет директора ЦРУ Дж. Тенет, П. Госс и М. Хейден были постоянными объектами критики со стороны президента и министра обороны, а также находились в постоянном и зачастую непримиримом противоречии со своими новыми боссами: Дж. Негропonte и М. Макконнелом. Это не удивительно, поскольку более чем шестидесятилетнее господство ЦРУ в американском разведсообществе с февраля 2005 г. (время вступления в силу упоминавшегося закона) сменилось формальным (а по замыслу – фактическим) руководством со стороны управления Национальной разведки. В результате, директор ЦРУ остался всего лишь первым среди равных в системе американской разведки и утратил непосредственный доступ к президенту, а также многие прерогативы в области кадровой политики и финансирования.

Далее логичным было бы сказать несколько слов о новом **директоре Центрального разведывательного управления – Леоне Панетте**. Он возглавил главное ведомство американской разведки в феврале 2009 г., получив согласие и одобрение Сената. Хотя директор ЦРУ формально не входит в правительство, Панетта стал одним из самых старых членов кабинета Б. Обамы. Ему – 71 год. Его родители – иммигранты из Италии – владели рестораном, а затем

¹⁸ U.S. Counterintelligence Strategy. Wash., March 2005. U.S. Intelligence Strategy. Wash., October 2005.

¹⁹ www.odni.gov/

²⁰ Ibidem.

фермой, на которой работал и их сын. Панетта окончил школу в 1956 г. и поступил в Университет Санта-Клары, где в 1960 г. получил диплом бакалавра политических наук с отличием, а в 1963 г., после окончания юридической школы университета, ему была присвоена степень доктора юриспруденции. В 1964–1966 гг. Панетта проходил службу в армии, завершил её в звании старшего лейтенанта. С 1997 г. он пребывал вне правительственной деятельности, в частности, возглавлял собственный «Институт общественной политики Леона и Сильвии Панетта». Панетта никогда не работал в разведке, но, безусловно, имел доступ к высшим государственным секретам, поскольку в 1994–1997 гг. руководил администрацией президента Клинтона. В 1976–1993 гг. был членом Палаты представителей Конгресса. В 1970–1971 гг. работал помощником мэра Нью-Йорка, а в 1969–1970 гг. был руководителем управления по защите гражданских прав при Министерстве здравоохранения, просвещения и социального обеспечения США²¹.

Конечно, выходец из демократической администрации Клинтона профессиональный юрист и опытный не только политически, но и житейски Л. Панетта – весьма интересная и, может быть, не вполне пока ясная фигура среди новых назначенцев Б. Обамы. В статье известного обозревателя «Вашингтон пост» Д. Игнатиуса, вышедшей сразу после выдвижения Б. Обамой кандидатуры Панетты, приводится не только биография будущего директора ЦРУ, но и оценки кадровых разведчиков²². Большинство из них можно охарактеризовать как недоумённые. В силу преклонного возраста (никогда ещё на этот пост не выдвигался столь пожилой человек), отсутствия опыта в разведке, а значит, и надёжных связей в этой сложной системе, в силу отсутствия сколько-нибудь видимых связей с Обамой и его окружением, назначение Панетты стало сюрпризом не только для его будущих подчинённых, но и для экспертов.

Весьма вероятно, президент рассчитывает, что человек с таким безукоризненным, прозрачным, богатым прошлым будет вполне «политически благонадёжен». Панетта – очевидный «политический тяжеловес». Роль нового директора ЦРУ видится как уравнивающая политическую разведку с военной составляющей силовой сферы, приобретшей в 2001–2008 гг. невероятную и небывалую в американской истории мощь и влияние на все сферы политики и общественной жизни. Президент надеется на способность Панетты примирять ЦРУ с Пентагоном, которому формально подчинены важнейшие разведывательные ведомства (РУМО, АНБ и др.). Многолетняя (17 лет) работа Панетты в Конгрессе также не могла не учитываться при его назначении: умение ориентироваться во взаимоотношениях законодательной власти с исполнительной, связи и контакты в законодательном корпусе, среди которых есть люди с многолетним стажем пребывания на Капитолийском холме, также могут сослужить директору ЦРУ хорошую службу. При этом Панетта так давно покинул Палату представителей, что не станет тянуть с собой в разведку членов различных комитетов, как это сделал в своё время П. Госс. В ЦРУ этого очень не любят.

Учитывая исключительно сложную систему соподчинённости и взаимодействия внутри разведсообщества, «буферная», амортизирующая роль некон-

²¹ www.cia.gov/13.02.2009; www.cityroom.blogs.nytimes.com/08.01.2009

²² Ignatius D. A Surprise for Langley. – «The Washington Post», 07.01.2009.

фликтного (в отличие, например, от Госса) и мудрого Панетты может оказаться исключительно важной. Как представляется, он сможет играть роль посредника, «умиротворителя» в отношениях между Д. Блэром и Р. Гейтсом, способствовать повышению значимости ЦРУ, которое в годы президентства Буша порядком подрастеряло влияние под воздействием мощной критики за провалы 2001 г. и за отказ давать «нужную» информацию по Ираку. Центральной разведке в 2001–2008 гг. придали несвойственные ей функции «тюремщика» и «дознателя», что также не способствовало (если не сказать больше) укреплению его авторитета. Панетте предстоит и здесь проявить себя опытным администратором: вернуть ведомству традиционно лидирующие и столь же традиционно заслуженные позиции в качестве ведущего ведомства глобальной агентурной разведки. От «безупречно честного» Панетты, как его, по-видимому, представляют Б. Обама и Д. Блэр, требуется покончить со скандальными разоблачениями прежней эпохи и улучшить имидж американской разведки в стране и мире. Иной вопрос: как долго продлится руководство Панетты Центральным разведывательным управлением? Здесь дело не только в возрасте (хотя и это важно). Складывается впечатление, что с престарелым директором ЦРУ достигнуто нигде не зафиксированное соглашение: после известного периода, отведённого на решение ряда задач, о которых речь шла выше, Панетта передаст эстафету более молодому профессионалу-разведчику, который целиком сосредоточится уже не на преодолении противоречий и препятствий, а на непосредственной разведывательной работе.

С интересом ожидали эксперты и общественность нового назначения на пост министра внутренней безопасности (МВБ) (*Department of Homeland Security, DHS*). История этого уникального для США ведомства весьма непростая и являет собой одну из ярких характеристик эпохи Буша. Ведомство, созданное сразу после терактов в сентябре 2001 г., сначала представляло собой управление в составе администрации, и оставалось бы таковым, если бы не нажим тогда ещё не полностью контролировавшегося республиканцами Конгресса и прессы. Через год, в 2002 г., по закону «О внутренней безопасности» управление было преобразовано в федеральное министерство с исключительно широкими функциями и полномочиями. МВБ само по себе не является разведывательным ведомством или спецслужбой: в его составе множество разнообразных подразделений, деятельность которых охватывает огромное количество направлений обеспечения безопасности. Так, министерство решает вопросы пограничной и таможенной охраны, включая визовые, руководит пожарной и карантинной службами, занимается предупреждением и ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций. В его ведении иммиграционные проблемы США, защита так называемой «критической инфраструктуры» и «чувствительных технологий» (ядерного, бактериологического, радиологического и бактериологического производств). МВБ занимается обеспечением безопасности объектов промышленности и транспорта, информационной безопасности и многими другими вопросами. Не случайно с самого начала оно стало объектом пристального внимания противников Буша в Конгрессе, средств массовой информации и правозащитных организаций: слишком уж широкие полномочия во внутренних делах были даны этому министерству, включая передвижение иностранных граждан по стране, контроль за которым также возложен на МВБ.

Как не раз отмечали публицисты, можно по-разному относиться к деятельности МВБ США, но со времени его создания терактов, сравнимых с 11 сентября, не было²³. Такая оценка, при внешней эффектности, выглядит всё-таки некоторой натяжкой, поскольку прямой зависимости здесь не прослеживается. В США, например, одна из самых многочисленных и мощных полиций в мире, а количество уголовных преступлений, в том числе самых кровавых, колоссально.

МВБ, как уже сказано, не является спецслужбой, оно включено в американское разведывательное сообщество в силу наличия в его структуре ряда подразделений, наделённых полномочиями спецслужб, в том числе разведывательными. Аналогичной практики американцы придерживаются в отношении министерств финансов, энергетики и Госдепартамента: эти ведомства, если заглянуть на официальный сайт разведсообщества США, включены в него, наряду с ЦРУ, РУМО, АНБ и др.²⁴ На самом деле речь идёт лишь об отдельных подразделениях внутри этих федеральных ведомств, занимающихся разведкой. Это иногда запутывает неспециалиста, на что, видимо, и рассчитывали те, кто принимал соответствующее решение. Что касается МВБ, то в его составе действует ряд подразделений с функциями спецслужб или являющихся разведывательными по характеру решаемых задач. К ним относятся: Управление разведки и анализа, Разведка Береговой охраны США и Секретная служба США (последняя, правда, не является в полной мере разведывательным органом, так как занимается охраной высших должностных лиц государства и защитой финансовой системы страны). Тем не менее, практика последних лет прочно поставила МВБ в число одного из крупнейших (пожалуй, самого крупного) силовых ведомств и членов разведсообщества, деятельность которого непосредственно затрагивает интересы миллионов граждан США и других стран. Поэтому особый интерес был проявлен общественностью и экспертами к новому назначению главы МВБ. В январе 2009 г. **министром внутренней безопасности** стала **Джанет Наполитано**. Жизнерадостная улыбчивая итальянка (родилась в 1957 г.) даже внешне и по манере публичных выступлений разительно отличается от своего предшественника – Майкла Чертоффа.

Последняя перед новым назначением должность г-жи Наполитано – губернатор штата Аризона. Она стала первой женщиной – председателем Национальной ассоциации губернаторов, где получила опыт для своей будущей деятельности, создав Консультативный совет по внутренней безопасности. Ранее Наполитано была генеральным прокурором Аризоны. На этом посту принимала участие в разработке закона о противодействии торговле людьми. Будучи губернатором, Наполитано провела в жизнь один из первых в США законов штата о внутренней безопасности, создала первый в стране контртеррористический центр на уровне штата, активно занималась вопросами контроля иммиграции. Ей принадлежит честь быть пионером в координации усилий федеральных и местных властей по обеспечению безопасности в предотвращении техногенных и террористических катастроф на объектах жизнеобеспечения²⁵.

²³ См., например: Р а д з и х о в с к и й Л. Кто сыграет Обаму? (<http://www.vz.ru/columns/2009/1/247752.html>).

²⁴ <http://www.odni.gov/>

²⁵ <http://www.dhs.gov/>

Как и новый директор ЦРУ, Наполитано – выпускница Университета Санта-Клары (она закончила его почти на 20 лет позже Панетты), профессиональный юрист с большим опытом работы в частных юридических фирмах, при этом никогда не работавшая в системе законодательной власти, даже на уровне штата. Она – классический представитель власти исполнительной и на посту директора мощного ведомства с громадными полномочиями и широчайшими функциями, вероятно, станет самой надёжной опорой Б. Обамы как инициативный и исполнительный функционер. Отсутствие опыта в контактах с парламентариями может негативно сказаться на эффективности работы как самой Наполитано, так и её ведомства. Дело в том, что для руководителя такого министерства, каким является МВБ, отношения с Конгрессом исключительно важны. Слушания, отчёты, назначения, финансирование, проблемы нарушения прав граждан и многие другие вопросы, решаемые во взаимодействии с Сенатом и Палатой представителей, в новых условиях должны проходить бесконфликтно, и для Обамы было бы невыгодно постоянно становиться для Наполитано «крышей» перед законодателями. В таких условиях большую положительную роль может сыграть то обстоятельство, что в структуре МВБ (точнее, в аппарате самого министра) имеется ряд подразделений, изначально предназначенных для обеспечения «связей с общественностью», соблюдения законности и т.п. В их числе: Управление обеспечения безопасности частной жизни (*Privacy Office*), Управление гражданских прав и свобод (*Office for Civil Rights and Liberties*), Управление генерального инспектора (*Office of the Inspector General*), контролирующее законность деятельности ведомства, Служба уполномоченного по правам человека в области гражданства и соблюдения иммиграционного законодательства, Управление по связям с законодательными органами. Таким образом, подразделения аппарата министра внутренней безопасности представляют собой структуры, отвечающие требованиям политического и гражданского контроля его деятельности. Они были сформированы в процессе выявления всё большего объёма нарушений прав граждан при осуществлении правоохранительной деятельности. Наполитано как профессиональный юрист и, скорее всего, надёжный и верный союзник президента должна придать этим подразделениям новое содержание и не допустить публичного противостояния своего министерства с законодателями и обществом.

«Осечка» Обамы в Конгрессе

Что касается американских законодателей, то они в период основных назначений в силовой сфере и разведсообществе проявили себя довольно своеобразно. Так, если согласования кандидатур Блэра, Панетты и Наполитано прошли достаточно спокойно и порой даже сопровождались (как в случае с Блэром) похвальными речами в адрес кандидатов, то выдвижение Чарлза Фримена на важный пост председателя Национального разведывательного совета не получило поддержки в Конгрессе. Фактически тогда имел место первый провал кандидатуры, выдвинутой президентом в системе национальной безопасности и разведки.

Напомним, что Национальный разведывательный совет – орган, действующий в составе управления директора Национальной разведки, т.е. фор-

мально он подчинён Д. Блэру, однако значение этого органа явно превосходит значение Объединённого совета по разведке при президенте, о котором уже упоминалось. Дело в том, что Национальный разведывательный совет – координирующий центр среднесрочного и долгосрочного прогнозирования разведывательной деятельности, в его составе все руководители ведомств, входящих в разведсообщество и ведущие эксперты в области национальной безопасности и разведки. Совет активно сотрудничает с крупнейшими американскими «мозговыми центрами», такими как Атлантический совет, Брукингский институт, корпорация РЭНД. Главной задачей Национального разведывательного совета является подготовка обобщенных стратегических документов в области разведки и национальной безопасности, а также регулярных национальных разведывательных оценок, представляемых директором разведки президенту. В свою очередь Объединённый совет по разведке при президенте – одна из многочисленных координирующих структур с расплывчатыми и весьма общими функциями.

Представляя в конце февраля 2009 г. кандидатуру **Чарлза Фримена** для назначения на должность **председателя Национального разведывательного совета**, Д. Блэр (и Б. Обама, разумеется) рассчитывал на вполне рутинный характер обсуждения в Сенате и практически единогласное утверждение, как это было в январе – феврале с другими назначениями в разведке. Однако произошла осечка. Несмотря на похвальные слова Блэра в адрес Фримена, которого он охарактеризовал как человека, имеющего «разнообразный опыт и богатый послужной список в сфере обороны, дипломатии и разведки»²⁶, против его кандидатуры выступили сразу несколько сенаторов. Все семь республиканцев – членов сенатского комитета по разведке обратились к президенту с просьбой о пересмотре этой кандидатуры, обосновывая свою позицию «озабоченностью малым опытом Фримена и сомнениями в его объективности»²⁷. Оппозицию сенаторов поддержала и спикер Палаты представителей Н. Пэлоси²⁸. Американская пресса активно обсуждала сложившуюся ситуацию всю первую половину марта. Из многочисленных публикаций журналистов и экспертов стало ясно, что все ссылки на ограниченность опыта Фримена в международных делах и разведке совершенно беспочвенны и выглядят как не очень умелое прикрытие истинных причин недовольства конгрессменов его кандидатурой. Действительно, Фримен – человек с большим дипломатическим прошлым (карьерный дипломат с 1965 г.), работавший в Китае и возглавлявший китайский отдел Госдепартамента. Он был послом США в Саудовской Аравии, помощником министра обороны по международной безопасности, президентом неправительственного Совета по ближневосточной политике, а в последние годы работал в представительстве Китайской национальной офшорной нефтяной компании²⁹. Вот эти-то «странные» связи (близость к Китаю и арабам) стали главной причиной единодушного недовольства конгрессменов кандидатурой Фримена. Главными пунктами «обвинения» стали, конечно, неоднократные критические высказывания Фримена в отношении Израиля и его политики на Ближнем Востоке (в 2005 г. он прямо назвал действия Израиля в отношении

²⁶ Memorandum from the Office of the Director of National Intelligence, GPO, Wash., 26.02.2009.

²⁷ «The Washington Times», 8.03.2009.

²⁸ «The Wall Street Journal», 10.03.2009.

²⁹ Biography of Chas W. Freeman. – «The Globalist», 8.03.2009.

арабов «насилием»³⁰), а также «сомнительные» с точки зрения сенаторов и членов Палаты представителей, связи Фримена с Китаем. Обвинения сыпались одно за другим, причём особую активность, естественно, проявили американские сионистские организации³¹. Фримен был вынужден снять свою кандидатуру.

Как бы то ни было, команда Обамы потерпела тогда одно из первых политических поражений, президенту впервые было выражено недоверие со стороны законодателей. Пост руководителя Национального разведывательного совета надолго остался вакантным. Возможно, стратегически и тактически более верным было бы для Обамы предложить на эту должность проверенного и опытного Джозефа Ная-мл., который занимал это пост в администрации Клинтона (Най, руководивший при Буше Школой им. Джона Кеннеди Гарвардского университета, неоднократно в те годы критиковал антидемократические реформы силовых ведомств). Была бы соблюдена традиция преемственности политики демократов. Кандидатура Ная как известного теоретика и практика разведки, наверняка не вызвала бы столь яростной критики со стороны Конгресса.

Формат статьи не позволяет останавливаться на других (при всей их важности всё-таки менее значимых) назначениях в системе национальной безопасности и спецслужб, произведённых Б. Обамой в первые месяцы пребывания у власти.

Сохраняет свой пост **директор ФБР Роберт Мюллер**. В американской традиции пребывание на этой должности не зависит напрямую от смены администрации Белого дома. Недаром Эдгар Гувер «пересидел» в качестве директора ФБР президентов США, сменявших друг друга в течение 48-ми (!) лет. Тем более что при Дж. Буше была выстроена особая схема реорганизации спецслужб. За основу принято одновременное горизонтально-вертикальное подчинение и отчётность, приоритет «координационных» и программно-направляющих функций над непосредственно управленческими и оперативными. Это коснулось и контрразведки. Так, директор ФБР, назначаемый президентом и утверждаемый Сенатом, одновременно подчинён директору Национальной контрразведки (в части контрразведывательной деятельности ведомства), не говоря уже о том, что его непосредственным «начальником» продолжает оставаться генеральный прокурор – министр юстиции США. При этом директор ФБР по-прежнему единолично управляет повседневной оперативной и административно-хозяйственной деятельностью своего ведомства, которое, помимо контрразведки, имеет ещё и ряд важных правоохранительных функций. По закону 2002 г. «Об усилении контрразведки» (*U.S. Counterintelligence Encashment Act*), разработка программ в области контрразведки, включая их финансирование, выполнение Национальной стратегии контрразведки, обучение персонала контрразведывательных подразделений всех спецслужб страны и общая координация контрразведывательной работы в стране отнесены к ведению управления директора Национальной контрразведки (*ONCIX*). Более того, в части, касающейся *разведывательной работы (Разведуправление ФБР)*, директор ФБР *через директора Национальной контрразведки* подчинён ещё и

³⁰ Ambassador Ch. Freeman, Jr., USFS (Ret.), The GCC and the Management of Policy Consequences, Remarks to the 15th Annual US-Arab Policymakers Conference, 31.10.2006.

³¹ Fingerhant E. Rep. calls for Freeman investigation, Jewish Telegraphic Agency, 28.02.2009; Lake E. «Foreign Ties of Nominee Questioned». – «The Washington Times», 05.03.2009.

директору Национальной разведки (в 2005 г. управление Национальной контрразведки вошло в структуру управления директора Национальной разведки)³².

Директором **Национальной контрразведки** является **Джоел Бреннер**, для которого Р. Мюллер остаётся подчинённым. Мюллер – выпускник Принстона (1966) и ветеран Вьетнама (кавалер «Пурпурного сердца») – стал директором ФБР 4 августа 2001 г. после недолго (2,5 месяца) пребывания на этом посту Тома Пикарда. Однако все считают его преемником Льюиса Фри, восемь лет занимавшего указанную должность и «удачно» покинувшего её летом 2001 г. Не исключено, что Мюллер будет долго возглавлять своё ведомство, в отличие от Бреннера, положение которого в условиях ожидаемых при Обаме преобразований в системе безопасности выглядит не вполне прочным. Слишком сложная управленческая схема была создана реформаторами спецслужб в предшествующие годы, и выделение специальных контрразведывательных структур, действующих «над ФБР и всей контрразведывательной системой» представляется излишне громоздким и отягощающим реальную работу.

Нельзя не отметить и несколько «переутверждений» в должности руководителей отдельных подразделений разведсообщества. Так, в марте 2009 г. было объявлено, что пост заместителя министра финансов – руководителя управления разведки Минфина сохранит **Стюарт Ливи**, назначенный в своё время Дж. Бушем. Это – многозначительный факт, так как финансовая разведка и деятельность по негласному воздействию на экономические и финансовые системы других государств приобрели в последние годы исключительно важное значение в обеспечении внешней политики и национальной безопасности США³³. Сохранение Ливи на посту руководителя финансовой разведки США свидетельствует о важности этой сферы разведывательной деятельности для новой администрации и, конечно, об успешной работе возглавляемого им подразделения Министерства финансов.

Особое место в американском разведывательном сообществе имеют ведомства, входящие в систему Пентагона. Среди них – разведуправление Министерства обороны США – РУМО, Агентство национальной безопасности – АНБ, Национальное управление по разведке земной поверхности (*National Geospatial-Intelligence Agency*) – УНР (принятая русская аббревиатура), управление аэрокосмической разведки (*National Reconnaissance Office*), а также разведки видов вооружённых сил. Все они официально подчинены Д. Блэру, однако, министр обороны (этот пост в администрации Б. Обамы сохранил **Р. Гейтс**, занимавший его при Дж. Буше) через своего заместителя по разведке осуществляет не только общий контроль их деятельности (за исключением, пожалуй, АНБ, напрямую подчинённого президенту), но и играет важнейшую роль в планировании их деятельности, определении бюджетных ассигнований и кадровой политики. Продолжают действовать весьма сложные схемы взаимных согласований в области кадровой политики и программ разведдеятельности. В этих схемах ключевые роли играют военные. Аналогичным образом осуществляется финансирование разведсообщества, когда бюджетные

³² См.: С ё м и н Н.Л. Разведывательное сообщество и внешняя политика США (2001–2006 гг.). – «США ♦ Канада», 2007, № 6.

³³ См., например: П е р к и н с Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2005.

ассигнования на разведку во многом зависят от Пентагона, поскольку «спрятаны» в его бюджете³⁴.

Таким образом, сохранение Р. Гейтса на посту министра обороны – важнейший фактор для анализа предстоящей работы этих ведомств. То, что Б. Обама оставил Гейтса министром, было обусловлено его умеренностью и здравомыслием. Не в пример неоконсерваторам, игравшим первые роли в течение восьми лет, Гейтс периодически высказывался за уход из Ирака, за дипломатические решения в отношениях с Ираном. Для Обамы было важно и то, что Гейтс поддерживал повышение роли Госдепартамента, экспертного сообщества и гражданских специалистов при проведении зарубежных операций (например, в Афганистане). Считается, что Гейтс гораздо популярнее у законодателей и военных, чем его предшественник Рамсфелд. Обама мог бы назначить более либерального министра обороны: общественность, многие конгрессмены, союзники по НАТО были бы довольны. Но генералы и офицеры, а также представители разведывательных органов в составе Пентагона вряд ли бы поддержали смещение Гейтса. Его «умеренная жёсткость» и разведывательное прошлое оказались для президента важнее удовлетворения ожиданий широкой общественности. Компромиссное решение Обамы в отношении Гейтса отразило признание того факта (помимо всего, что связано с военными операциями за рубежом), что влияние военных в разведсообществе продолжает оставаться весьма сильным и снижать его придётся (если придётся) весьма постепенно, через уступки и балансирование. Как представляется, кадровая политика Обамы в области национальной безопасности и разведки в ближайшие год-два будет во многом зависеть от роли Пентагона и влияния на разведку руководства военного ведомства.

* * *

В целом кадровая политика президента Обамы в начальный период пребывания у власти выглядит вполне умелой и грамотной. Она отражает понимание им назревшей необходимости смены эпох в американской внутренней и внешней политике, пересмотра многих прежних приоритетов и установок. Обама постарался свести к минимуму возможность острых межведомственных разногласий и конфликтов, создал предпосылки для формирования единой цельной команды, в работе которой на первом месте стояли бы дипломатия и политические решения назревших проблем. Недаром, в обиход было пущено выражение «умная дипломатия» (*smart diplomacy*) и, соответственно, «умная разведка» (*smart intelligence*). Новая администрация США, очевидно, проявляет заботу о моральном престиже американской политики и воплощающих её персон как внутри страны, так и в мире. Это относится и к разведывательной деятельности. Недаром ещё в период избирательной кампании Обама неоднократно обвинял руководство разведки в том, что оно «запятнало» репутацию правительства неадекватными и часто незаконными действиями, а также коррупционными скандалами. Обама показал себя и явным противником идеологизации внешней политики и разведки, чем грешила администрация Буша. Он признаёт, что неумеренные и часто неуклюжие идеологические обоснова-

³⁴ См. статью автора «О финансировании разведывательного сообщества США». – «США ❖ Канада», 2007, № 12, с. 117.

ния американского глобального доминирования, как и деятельность разведки, основанная на этой идеологии, нанесли Америке огромный вред: масштабы «антиамериканизма» на планете увеличились, а угрозы для США не только не уменьшились, но, скорее, возросли. Пафосность в политике, граничащая со стремлением умалять суверенитеты других государств, столь широко распространённая в 2001–2008 гг., должна уступить место трезвому анализу и разумному расчёту при сохранении стремления Америки к лидерству. Нельзя не видеть, что новые назначения в системе правоохранительных органов, обеспечения безопасности и разведки как её части в полной мере отражают новые оценки американских аналитиков о многообразии мира в XXI веке³⁵.

Не все назначения Обамы проходили гладко в силу разнообразных причин (показательным стало неудавшееся назначение Ч. Фримена), не все назначения произведены, кое-кто из руководителей разведывательных ведомств и правоохранительных органов сохранит свои посты, а многие запланированные назначения, возможно, не состоятся. Однако анализ не должен подменяться гаданием, и выявление действительных планов Обамы в отношении кадровых перестановок в разведсообществе – это работа разведчиков, а не учёных. Дело, в конце концов, не в конкретных персонах. Важно, что выявлены несколько тенденций, направлений трансформации разведсообщества и правоохранительной системы. Например, тенденция к повышению роли СНБ и упразднению избыточных органов, созданных в прежние годы по руководству разведкой, по пресловутым «координации», «обмену», «консультированию» и т.п. Важна и тенденция к возврату к подконтрольности разведки и контрразведки, к отказу от откровенной лжи, нарушений законов и традиций американской политической системы, снижению уровня милитаризации спецслужб, повышению профессионализма вопреки идеологизированности и подчинению сиюминутным интересам власти.

Имеет значение и то, что новые назначения на ключевые посты в разведсообществе США сопровождались важными декларациями (пусть пока только декларациями) в отношении России. Так, Д. Блэр заявил в Конгрессе и позднее повторил на встрече с прессой, что США «должны понимать российские военные планы и амбиции относительно ближнего зарубежья»³⁶. Насколько такой подход будет реализован в реальности, покажет время.

³⁵ См.: Global Trends 2025: A Transformed World. GPO, Wash., 2008.

³⁶ Media Roundtable with Mr. Dennis Blair. 26.03.2009 (www.dni.gov).